

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

132932/

№ 1

ЯНВАРЬ

1874

ПРЕБЫВАНІЕ

ТУРКЕСТАНСКАГО ОТРЯДА ВЪ ХИВѢ ВЪ 1873 ГОДУ

И ПЕРЕѢЗДЪ ИЗЪ ХИВЫ ВЪ КАЗАЛИНСКЪ (*).

При выступленіи нашемъ съ послѣдняго ночлега, 29-го мая, въ пять часовъ утра, для занятія Хивы, одна часть нашего отряда была остановлена, со всѣми тяжестями и обозомъ, не доходя двухъ верстѣ до ханской столицы, на полянѣ, близъ дороги, ведущей прямо въ Хиву.

Командующій войсками, начальникъ отряда, начальникъ полевого штаба, главная квартира и вся свита, съ главною массою войскъ, въ числѣ которыхъ были части отъ всѣхъ трехъ округовъ: Туркестанскаго, Оренбургскаго и Кавказскаго, вступили въ Хиву. По занятіи города и ханскаго дворца, часть роты саперовъ была расположена на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ дворца, прилегающихъ ближе другихъ къ покоямъ хана; прочія же войска нашего отряда занимали остальную часть дворца и самый городъ.

Часу въ седьмомъ вечера, главной квартирѣ и штабу приказано было возвратиться въ лагерь къ оставленнымъ предъ Хивой войскамъ; генералъ Головачевъ остался въ городѣ съ вступившими въ Хиву частями, а командующій войсками отправился, съ частью свиты и конвоемъ, въ мѣсто расположенія Оренбургскаго отряда, и на другой день, 30-го мая, было приказано всѣмъ войскамъ приблизиться къ Хивѣ и расположиться лагеремъ въ верстѣ разстоянія отъ ханской столицы.

Мѣстность, которую мы заняли, принадлежавшая брату хана, Ата-Джану, отстояла отъ стѣнъ Хивы на разстояніе не болѣе одной версты, прямо противъ тѣхъ воротъ, въ которые совершенно было торжественное вступленіе нашихъ войскъ въ Хиву. Это былъ огромный садъ, чрезвычайно опрятный, съ большими фруктовыми деревьями, обнесенный со всѣхъ сторонъ громадными стѣнами, вышиною не менѣе трехъ съ половиною сажень, съ башнями по угламъ. Въ сѣверо-восточномъ углу сада находилось большое каменное зданіе, названное дворцомъ, которое, вѣроятно, было жилищемъ самого хозяина, тоже обнесенное со всѣхъ сторонъ стѣнами и башнями. Нѣсколько внутреннихъ дворовъ, множество коридоровъ или проходовъ чрезъ башни во дворы и въ покои дворца были устланы плитнякомъ; постройка покоевъ имѣла видъ древнихъ теремовъ; въ нихъ, дѣйствительно, до нашего

(*) Статья г. Колокольцова, подъ названіемъ «*Экспедиція въ Хиву въ 1873 году. Отъ Джизака до Хивы*», была помѣщена въ №№ 8 и 9 «Военнаго Сборника» за 1873 годъ.

прихода, обитали женщины. На одномъ изъ дворовъ дворца помѣстились Великій Князь Николай Константиновичъ и Князь Евгений Максимиліановичъ и нѣкоторыя лица главной квартиры; а на другомъ сосѣднемъ дворѣ размѣстилось все управленіе полевого штаба.

Кромѣ этого большого зданія, въ саду находилось еще нѣсколько каменныхъ строеній меньшихъ размѣровъ, но, однако, имѣющихъ по нѣсколько комнатъ, которыя, вѣроятно, во время резиденціи хозяина, служили жилищемъ для его свиты и рабовъ. Всѣ эти зданія были пусты, и казалось, какъ будто нарочно были очищены для нашего размѣщенія.

Арыки, или канавки съ водой, шириною аршина въ два и болѣе, пересекали садъ по всѣмъ направленіямъ, и какъ у самого большого зданія, такъ равно вблизи упомянутыхъ мною другихъ строеній, арыки эти сходились и образовывали предъ каждымъ изъ зданій небольшіе пруды проточной воды.

Войска нашего отряда были расположены внѣ стѣнъ; для удобнаго же сообщенія войскъ между собою, въ стѣнахъ были продѣланы проходы и проѣзды. Съ лѣвой стороны стѣны тянулась большая дорога, ведущая изъ Хазаръ-аспа въ Хиву; непосредственно же за садомъ протекалъ глубокой арыкъ Полванъ-ата.

Въ одномъ изъ болѣе просторныхъ мѣстъ сада, не въ дальнемъ разстояніи отъ дворца, у небольшого пруда, была поставлена большая юрта для командующаго войсками; рядомъ другая юрта для начальника полевого штаба генерала Троицкаго, затѣмъ палатки адъютантовъ, начальника экспедиціи и палатки лицъ главной квартиры. Далѣе, въ нѣкоторомъ разстояніи, группировались юрты и палатки, но нѣсколько иныхъ фасоновъ и формъ, принадлежащія посланникамъ бухарскому и коканскому; свита и прислуга этихъ среднеазіятскихъ сановниковъ, одѣтая въ пестрые костюмы, находилась въ безпрестанномъ движеніи и оживляла картину. Словомъ, садъ, загроможденный разнородными юртами, цвѣтными палатками и наполненный снующими по всѣмъ направленіямъ арбами, а также бухарскимъ и коканскимъ людемъ, расположившимся подъ тѣнью фруктовыхъ деревьевъ, представлялъ необыкновенно оригинальную и нелишенную своеобразной прелести картину.

Въ одномъ изъ болѣе удобныхъ мѣстъ, въ глубинѣ сада, у самой стѣны, былъ расположенъ отрядный лазаретъ.

Для сохраненія порядка и чистоты, въ саду не дозволялось никому имѣть при себѣ ни верховыхъ, ни вьючныхъ лошадей, для которыхъ, не исключая лошадей главнаго начальства, былъ отведенъ

особый просторный дворъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникомъ главной квартиры, подполковникомъ Травло, были наняты хивинцы, которые поливали садъ по два раза въ день.

Я расположился съ подполковникомъ барономъ Каульбарсомъ не въ дальнемъ разстояніи отъ командующаго войсками, подъ однимъ изъ абрикосовыхъ деревьевъ, на которомъ фрукты въ то время не были еще зрѣлыми; однако, впоследствии, мы ими попользовались.

Не имѣя при себѣ палатокъ съ самыхъ «кудуковъ», мы завелись хивинскими, очень легкими и прозрачными, и ухитрились ставить ихъ между деревьевъ такъ, чтобы ни восходъ, ни захожденіе солнца не слишкомъ бы насъ тревожили. Затѣмъ мы приступили къ улучшенію, по возможности, своего бивачнаго комфорта и стали думать о заведеніи какого нибудь хозяйства. Этому не мало способствовали хивинцы, которые, какъ только мы стали на мѣста, начали являться въ лагерь цѣлыми толпами со всевозможными съѣстными припасами; они привозили лепешки, замѣняющія въ Средней Азіи хлѣбъ, молоко, яица, куръ, приводили барановъ на продажу, а потомъ стали приносить разнаго рода товары, какъ-то: халаты, шубы, мѣховыя шапки, кольца съ бирюзою и т. п.... Отчасти изъ опасенія, отчасти не желая вдругъ озадачить насъ своими произведеніями, хивинцы всякій день приносили что нибудь новое, и хотя произведенія эти были, болѣею частью, дрянныя, но со всѣмъ тѣмъ, такая постепенность заманивала насъ, возбуждая любопытство и надежду найти въ городѣ что нибудь получше, какія нибудь азіятскія рѣдкости, которыя можно было бы свезти на родину. Многіе изъ насъ вспокошились и стали собираться въ городъ цѣлыми компаніями. Въ городѣ любопытство наше еще болѣе бывало подстрекаемо, такъ какъ мы находили главные магазины и лавки не открытыми; въ нихъ-то и полагали мы найти неоцѣнимыя рѣдкости. Узнавъ, что главные торговцы все еще насъ дичатся и изъ опасенія не открываютъ своихъ магазиновъ и лавокъ, мы старались привлечь ихъ къ себѣ любезностью и предупредительностью. Наконецъ, завѣтные магазины были отворены... Но тутъ досада наша не имѣла границъ: мы не только не нашли ничего замѣчательнаго, такого, чтобы можно было свезти роднымъ или знакомымъ, какъ рѣдкость края, но почти не нашли ничего порядочнаго.

Между тѣмъ, хивинцы до такой степени приручились къ намъ, что, впоследствии, въ продолженіе нашей стоянки подъ Хивою, съ утра до вечера, толпами шлеялись по лагерю. Утромъ они аккуратно являлись къ утреннему чаю съ молокомъ, перѣдко, впрочемъ, раз-

веденнымъ водою; затѣмъ, въ продолженіе дня надоѣдали мальчишки, со-всѣмъ не покидавшіе лагеря, и все время сновавшіе около палатокъ съ разными фруктами, необыкновеннаго вкуса дынями, орѣхами, огурцами, спичками и со всякой всячиной. Туземцы приносили также изъ Хивы куски льду въ мѣшкахъ; это подало намъ мысль вырывать около своихъ палатокъ ямы, въ родѣ погребовъ, и тогда хивинцы стали возить къ намъ ледъ уже на арбахъ. Когда мы совсѣмъ устроились и были, въ послѣдствіи, какъ говорится, на ногахъ, ледъ сдѣлался для насъ первой необходимостью, и рѣдко кто держалъ столъ, не имѣя у себя погреба.

Въ первое время нашего нахожденія подъ Хивой, намъ извѣстно было объ одномъ только маркитантѣ, который вздумалъ было устроить въ саду нѣчто въ родѣ кафе-ресторана, но къ нему ходили очень и очень мало, почему онъ вскорѣ и закрылъ свое заведеніе. Равно-мѣрно, во время похода, кромѣ извѣстнаго купца Громова, который обязывался для отряда доставлять скотъ, и который постоянно находился при отрядѣ и во всѣхъ дѣлахъ, ни о какихъ маркитантахъ ничего не было слышно; быть можетъ они завязли гдѣ-нибудь въ пескахъ, только въ первое время ничего европейскаго достать было нельзя. Но, спустя нѣсколько дней, постепенно стали подходить къ намъ разные продавцы жизненныхъ потребностей, вѣроятно, по проложенному нами пути, а иные и чрезъ Бухару, и навезли вдоволь всевозможныхъ закусокъ, винъ, табаку, свѣчъ и проч. Особенность всѣхъ торговцевъ состояла въ томъ, что они за все брали самыя непомерныя цѣны; несмотря на это, въ непродолжительное время все распродалось, такъ что продавцы заранѣе дѣлали распоряженія о новыхъ подвозахъ и такъ прилѣпились къ войскамъ, что уже потомъ на на минуту не оставали отъ нихъ, провожали войска въ обратный путь, а иные остались при гарнизонѣ, расположенномъ на правомъ берегу Аму-дарьи.

Въ числѣ безпрестанно, какъ я сказалъ, приносимыхъ и привозимыхъ въ лагерь разныхъ разностей, хивинцы стали подвозить къ намъ весьма искусно сдѣланные изъ камыша плетенки, въ родѣ веревочныхъ половиковъ, длиною аршина въ три и шириной около двухъ аршинъ. Плетенки эти, при появленіи, стали разбираться войсками въ огромномъ количествѣ. Онѣ служили намъ первоначально для постилки въ палаткахъ, предохраняя отъ пыли и сохраняя опрятность. Потомъ, изъ этихъ плетенекъ солдаты стали дѣлать шалаши, а мы придумали дѣлать пристройки къ палаткамъ, въ видѣ гаерей, и подъ конецъ начали строить изъ нихъ цѣлые дома съ

окнами и дверями и, какъ можно себѣ представить, самой разнообразной архитектуры. Хивинцы сначала не понимали нашихъ построекъ, но, распознавъ всю суть, съ необыкновенною охотою и усердіемъ стали помогать намъ обстраиваться, подвозили разные добавочные матеріалы, о которыхъ ихъ никто даже не просилъ, столики, табуретки, и хотя за все брали огромныя деньги, но за то совершенно неожиданно насъ омеблировали.

Бумажныя наши деньги хивинцы не отвергали, но всегда охотнѣе брали серебро, а еще охотнѣе туземныя коканы, и въ этомъ случаѣ всегда дешевле все уступали.

И такъ, первая недѣля нашего пребыванія въ хивинскомъ саду прошла во всеобщихъ хлопотахъ относительно устройства и улучшенія нашего быта.

Послѣ всѣхъ тѣхъ лишеній, которыя каждый изъ насъ перепесъ въ этомъ походѣ, ничего нѣтъ удивительнаго, что мы съ такимъ увлеченіемъ, въ особенности въ первое время, бросились на пріобрѣтеніе всего того, что только напоминало комфортъ.

Хотя намъ было извѣстно, что отрядъ останется довольно долгое время подъ Хивою, но это еще не представляло необходимости заводится хозяйствомъ съ особенною поспѣшностью; между тѣмъ, будто изъ боязни поднасть снова подъ тѣ лишенія, которыя были испытаны въ походѣ, или точно будто всѣ располагали вѣковать подъ стѣнами Хивы, многіе изъ насъ стали дѣлать запасы всякаго рода, закупали барановъ, дойныхъ коровъ, куръ, настроили курятники, стали выводить цыплятъ и, къ довершенію всего, ударились было въ устройство пѣтушиныхъ боевъ...

Въ это-то время, по прошествіи какихъ нибудь пяти, или шести дней съ занятія нами Хивы, ханъ возвратился въ свои владѣнія и тотчасъ явился въ нашъ лагерь. Онъ пріѣхалъ вечеромъ, съ большой свитой, одѣтъ былъ въ шелковый зеленого цвѣта халатъ и на головѣ имѣлъ высокую хивинскую шапку черного барана. Фигура его далеко не представляла какой либо важности и внушительности, напротивъ, лицо его изображало совершенную простоту. Конь, на которомъ пріѣхалъ ханъ, былъ рослый и отличной породы, и весь закрытъ большимъ чепракомъ зеленого бархата, густо вышитымъ золотомъ. Особаго рода мундштукъ и блестящая золотомъ уздечка придавали большой эффектъ красивому коню. Личности ханской свиты, болѣе или менѣе щеголевато одѣтыя, были всѣ на отличныхъ лошадяхъ. Говоря о лошадяхъ, не могу умолчать о томъ, что слышалъ отъ опытныхъ здѣшнихъ кавалеристовъ, отъ любителей и зна-

токовъ лошадей; они увѣрили меня, что туркменскіе кони могутъ состязаться съ лошадьми лучшей англійской породы.

Командующій войсками принялъ хана въ тотъ же вечеръ. Ханъ, окруженный свитою, за которой въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовала его прислуга, шагомъ въѣхалъ въ алеи сада. По обѣимъ сторонамъ ханской лошади шли два пѣшихъ прислужника, изъ которыхъ одинъ несъ въ рукѣ ханскій кальянъ, а другой, кунганъ (кувшинъ особаго рода). Эти два пѣшіе человѣка, какъ мы узнали впоследствии, постоянно назначались при поѣздкахъ хана, и не должны были отъ него отставать, какимъ бы онъ алюромъ не пускалъ своего коня.

Свиданіе хана съ командующимъ войсками продолжалось довольно долго.

На другой день намъ стало извѣстно, что одновременно съ Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ, отправлявшимся въ Россію, ѣдетъ также начальникъ Оренбургскаго отряда, генералъ Верекинъ, адъютантъ фонъ-деръ-Флитъ (нынѣ флигель-адъютантъ), отправляемый съ донесеніемъ къ Государю Императору, и часть больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ говорили, что будетъ отправленъ тоже въ Россію одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ личностей, нѣкто Матъ - Мурадъ диванъ - беги, тотъ самый, который не давалъ намъ покоя во все время похода, направляя на насъ всѣ ночныя атаки и который защищалъ переправу чрезъ Аму. Командующій войсками, находя его вреднымъ человѣкомъ для края и въ особенности дурно вліяющимъ на особу хана, распорядился высылкою его изъ ханства.

Затѣмъ, мы узнали также, что, вслѣдствіе свиданія съ ханомъ, командующій войсками сдѣлалъ распоряженіе о составленіи совѣта для обсужденія всѣхъ обстоятельствъ и дѣлъ, относящихся до правительства хивинскаго ханства. Первенствующимъ лицомъ въ ежедневныхъ засѣданіяхъ въ совѣтѣ былъ назначенъ самъ ханъ; старшимъ же членомъ этого совѣта и наиболѣе вліятельнымъ лицомъ въ совѣтѣ былъ полковникъ Ивановъ, тотъ самый, который между колодцами Халъ-ата и Адамъ-крылганомъ, былъ окруженъ туркменами, и защищаясь съ горстью казаковъ, получилъ двѣ раны, — личность, съ 1865 года служившая въ Средней Азіи, замѣчательная здоровьемъ и вѣрнымъ взглядомъ на дѣло и своей неустанной дѣятельностію. Тотчасъ по переправѣ нашей чрезъ Аму-дарью и по занятіи Хазаръ-аспа, полковникъ Ивановъ былъ назначенъ начальникомъ населенія, и для дальнѣйшаго въ то время слѣдованія на Хиву способствовалъ или, лучше сказать, благоразумными распоряженіями

заставилъ мѣстныхъ жителей представить немедленно за умѣренную плату потребное число арбѣ, которыя и послужили перевозочными средствами отряду при занятіи нами Хивы. Послѣ того, при оставленіи войсками Хивы и по окончаніи возведенія крѣпости на правомъ берегу Аму-дарьи, этотъ штабъ-офицеръ назначенъ начальникомъ Аму-дарьинскаго округа.

По водвореніи хана въ столицѣ, приказано было войскамъ, занимавшимъ Хиву, присоединиться къ намъ. Въ это же время прибыли къ намъ и вошли въ составъ нашего отряда войска, оставленные на колодцахъ Алты-кудукъ, подъ начальствомъ полковника Новомлинскаго.

По занятіи Хивы, съ 29-го мая по 7-е іюля, войска наши находились подъ стѣнами ханской столицы болѣе мѣсяца въ бездѣйствіи. 7-го іюля, сильный отрядъ, подъ начальствомъ генерала Головачева, выступилъ изъ Хивы для наказанія непокорныхъ іомудскихъ племенъ, отказавшихся платить контрибуцію.

Командующій войсками, съ главной квартирою, съ частью войскъ и со всѣмъ управленіемъ полевого штаба, сначала оставался на бивакѣ подъ стѣнами Хивы, а потомъ, не получая долго извѣстій отъ генерала Головачева, выступилъ, 15-го іюля, на соединеніе къ нему къ г. Ильялы.

Во время отдыха подъ Хивою, наши солдатики имѣли полную возможность оправиться; начальники частей успѣли пересмотрѣть оружіе, привести въ порядокъ все испорченное и поврежденное въ походѣ и довели свои части до вполне исправнаго состоянія.

Жара днемъ и духота ночью продолжали, однако, насъ по прежнему дожимать, хотя теперешняя стоянка, въ сравненіи съ пройденными песками, казалась намъ раемъ: постоянно мажно было освѣжаться купаньемъ и наслаждаться фруктами, въ особенности необыкновеннаго вкуса здѣшними дынями. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, жизнь наша день отъ дня становилась однообразнѣе и скучнѣе; все тянуло на родину.... днемъ все одно и то же, не знаешь куда дѣваться; поѣздки въ Хиву надобли смертельно; вечеромъ и въ опредѣленный часъ начинала играть музыка, но и музыка страшно наскучила, потому что играла всякій день одно и то же. Такимъ образомъ, мы протянули кое-какъ время, пока не выступили на іомудовъ.

Здѣсь кстати сказать объ одной оригинальной личности, послѣднее время постоянно вращавшейся въ нашемъ кружкѣ. Это былъ одинъ американецъ, заинтересовавшій насъ всѣхъ своею рѣшимостью и предприимчивостью и своимъ внезапнымъ появленіемъ въ нашемъ отрядѣ. Одинъ, съ двумя джигитами, онъ прибылъ къ нашимъ вой-

скамъ въ день канонады при переправѣ нашей чрезъ Аму-дарью. Не зная вовсе ни русскаго, ни одного изъ туземныхъ языковъ, не имѣя даже разрѣшенія находиться при дѣйствующихъ войскахъ, получивъ на пути достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что отряды находятся постоянно окруженными непріятелемъ, и что по необозримой степени въ всѣхъ направленіяхъ рыскаютъ туркмены, онъ все-таки отважно пустился на розыскъ нашего отряда въ необозримую и неизвѣстную степь. Подлинно, надо было его американское счастье, чтобы добраться до насъ живымъ и невредимымъ въ то время, когда наши собственные джигиты, служащіе при отрядѣ, родовые кочевники, свыкшіеся со степью, когда бывали посылаемы по пройденному нами пути, зачастую попадались въ руки туркменовъ и всегда платились своими головами!....

Макъ-Гаанъ, корреспондентъ американскаго журнала «New-York-Herald», молодой человекъ, лѣтъ 35-ти, очень крѣпкаго сложенія и, какъ оказалось впоследствии, вообще весьма ловкій господинъ, владѣющій языками французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ, пріѣхалъ въ Петербургъ въ половинѣ февраля 1873 года, съ единственною цѣлю испросить разрѣшенія русскаго правительства сопровождать одинъ изъ отрядовъ, направлявшихся противъ Хивы, въ качествѣ корреспондента американской газеты. Узнавъ, что многимъ иностраннымъ корреспондентамъ было отказано въ этой просьбѣ, онъ рѣшился попытать счастья на свой страхъ, и безъ всякаго разрѣшенія отправился въ центральную Азію, съ цѣлю догнать отрядъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, и такъ или иначе выполнить возложенное на него редакціей порученіе.

Заручившись отъ полиціи однимъ только паспортомъ на право проживать въ Россійской Имперіи, онъ выѣхалъ 10-го марта изъ Петербурга и прибылъ въ Саратовъ 15-го числа того же мѣсяца. Во избѣжаніе потери времени, онъ въ тотъ же день оставилъ Саратовъ и направился на Казалинскъ. Путь до Казалинска Макъ-Гаанъ совершилъ довольно медленно, потому что съ Орска его захватила распутица; въ Казалинскъ пріѣхалъ только 8-го апрѣля.

Въ Казалинскѣ дѣло его приняло весьма дурной оборотъ, и, какъ онъ самъ выражался, ему было scomандовано: «стопись машина». Начальство въ Казалинскѣ положительно воспретило ему дальнѣйшее движеніе чрезъ Казалинскъ на Иркибай, по пути движенія нашей казалинской колонны. Видя невозможность привести въ исполненіе свой планъ, онъ прибѣгнулъ къ другому способу, чтобы только вырваться изъ Казалинска: онъ завѣрилъ казалинское начальство, что онъ рѣшается ѣхать въ Ташкентъ, на что и получилъ позволеніе.

Пріѣхавъ въ Перовскъ, какъ мнѣ говорилъ самъ Макъ-Гаанъ, смущенный и разстроенный, онъ не зналъ, какъ быть и что дѣлать. Однако, съ свойственною американцамъ практичностью, онъ прежде всего позавтракалъ и подкрѣпилъ себя стаканомъ краснаго вина, потомъ принялся размышлять: мысли бродили въ его головѣ одна мрачнѣе другой, голова трещала; Ташкента онъ крайне опасался по двумъ причинамъ: первая—потеря времени, вторая—опасеніе, что ташкентское начальство его опять задержать и не пропустить въ Хиву. Обсудивъ свое положеніе, онъ рѣшился, во что бы то ни стало, одинъ пробить себѣ дорогу: придумалъ тутъ же свернуть съ почтоваго пути, пересѣчь Кызылъ-кумъ по мало извѣстному караванному пути и направиться въ Иркибай.

Съ этою цѣлью онъ прискалъ себѣ татарина, знающаго немного русскій языкъ, и мальчика-киргиза; нанялъ ихъ за огромную плату, купилъ пять киргизскихъ лошадей и 17-го апрѣля оставилъ Перовскъ.

Послѣ шестисуточного мучительнаго странствованія по Кызылъ-кумамъ, почти безъ пищи и корма, томимые жаждой, такъ какъ воды нигдѣ не находили, а если она и попадалась, то почти совершенно негодная для питья, они на лошадяхъ, едва передвигавшихъ ноги, добрались, однако, до Иркибая 24-го апрѣля.

Я положительно не могу понять, какимъ образомъ Макъ-Гаанъ, не зная почти ни слова по-русски и еще менѣе по-киргизски, могъ странствовать по степи, объяснять свои желанія и понимать своихъ спутниковъ. Я убѣдился въ совершенномъ незнаніи имъ этихъ языковъ, на возвратномъ пути, во время моего путешествія съ нимъ вмѣстѣ изъ Казалинска въ Петербургъ, и неоднократно просилъ его разъяснить мнѣ эту загадку, на что получалъ отвѣтъ, что «онъ и самъ не знаетъ какъ, но такъ, или иначе заставлялъ себя понимать» (*d'une manière ou d'autre, mais je me faisais comprendre, et nous nous entendions*).

Отдохнувъ немного въ Иркибаѣ, Макъ-Гаанъ узналъ, что генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ долженъ быть въ Ташды; не теряя времени, американецъ пускается по этому направленію и черезъ двадцать четыре часа прибываетъ въ Кызылъ-кокъ, а еще чрезъ двѣнадцать часовъ подъѣзжаетъ къ Букань-тау, откуда далѣе двигаться уже не было возможности, по причинѣ чрезмѣрной усталости людей и лошадей; послѣднія до того были изнурены, что киргизы должны были сами ихъ тащить на поводу. Макъ-Гаанъ принужденъ былъ остановиться на сутки и ночевалъ въ аулѣ.

Здѣсь ему сообщили, что генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ перешелъ въ Т. LXLV. Отд. I.

решилъ направлѣніе, что онъ находится не въ Тамды, а на Аристанъ-бель-кудукъ. Макъ-Гаанъ, послѣ суточного отдыха, вновь пускается въ дорогу. Послѣ пятичасоваго путешествія онъ прибываетъ къ Юзъ-кудуку, гдѣ останавливается не на долгое время, собственно для того, чтобы напоить лошадей и запастись водой на дальнѣйшій путь, такъ какъ въ Юзъ-кудукъ вода была чистая и вкусная.

Отъ проходящаго каравана Макъ-Гаанъ узнаетъ, что Туркестанскій отрядъ уже выступилъ съ Аристанъ-бель-кудука на Барака-та. Недолго думая, американецъ вновь сворачиваетъ съ первыхъ колодезь на Ташъ-дзарыкъ, куда и приходитъ на другой день.

Здѣсь его гостепріимно принимаетъ въ своей юртѣ начальникъ мѣстныхъ киргизовъ, угощаетъ его пилавомъ и сообщаетъ, что генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ находится въ трехдневномъ переходѣ на Халъ-ата, гдѣ пробудетъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней и куда онъ, начальникъ киргизовъ, долженъ доставить для отряда барановъ.

Макъ-Гаанъ не могъ отыскать Халъ-ата ни на одной изъ имѣвшихся при немъ картъ, а между тѣмъ, полное истомленіе отъ безконечнаго, мучительнаго странствованія по неслыханной мѣстности приводило его къ положенію, близкому къ отчаянію; мысли его, какъ онъ самъ говорилъ мнѣ, начинали мутиться; ему представлялось, что достиженіе русскихъ войскъ и самая хивинская экспедиція ничто иное, какъ бредъ больнаго воображенія, не болѣе, какъ мифъ.... Эту ночь онъ провелъ въ ужасныхъ грезахъ, въ бреду, подавляемый страшнымъ кошмаромъ...

На другой день, утромъ, освѣжившись и собравшись съ мыслями, онъ рѣшилъ вновь пуститься въ путь; просилъ начальника киргизовъ дать ему проводника для указанія пути, такъ какъ его прислуга отговаривалась незнаніемъ дороги, да и весьма немудрено, потому что на этой мѣстности, собственно говоря, и пути-то никакого не существовало; надо было его прокладывать самому. Начальникъ киргизовъ отвѣчалъ, что онъ охотно бы проводилъ его самъ, но что онъ обѣщалъ доставить въ отрядъ барановъ, а на покупку ихъ у него не достаеъ денегъ, которыя онъ поджидаетъ, почему и не можетъ выхъать. Макъ-Гаанъ, недолго думая, выдалъ ему тотчасъ деньги и просилъ его, чтобы онъ, не теряя времени, пустился съ-нимъ въ путь, а купленныхъ барановъ приказалъ бы отправить въ отрядъ особо. Начальникъ киргизовъ первоначально было согласился, но потомъ отказался, возвратилъ деньги и сообщилъ Макъ-Гаану, что никто не берется перегнать барановъ въ отрядъ. Макъ-Гаанъ настойчиво требовалъ отъ начальника киргизовъ, чтобы онъ взялся проводить его въ отрядъ, обѣщая ему хорошо заплатить. Начальникъ киргизовъ,

повидимому, опять поддался убѣжденіямъ Макъ-Гаана, скрѣпляемымъ хорошей платою, но подъ конецъ заявилъ положительно, что въ настоящее время не можетъ покинуть аула, что онъ сдѣлалъ съ своей стороны распоряженіе, послалъ въ сосѣдній аулъ отыскать проводника, знающаго путь, и что завтра утромъ они могутъ пуститься въ дорогу.

Можно себѣ представить всю досаду и то непріятное положеніе, въ которомъ Макъ-Гаанъ въ то время дѣйствительно находился.

Наконецъ, на другой день утромъ, онъ выѣхалъ съ доставленнымъ ему проводникомъ, нанявшимся показать ему путь, цѣною за 15 рублей; но едва они проѣхали версты четыре отъ аула, какъ проводникъ останавливается и объявляетъ, что безъ своего сына онъ провожать и указать дороги не можетъ, требуетъ, чтобы Макъ-Гаанъ взялъ его сына и положилъ бы и ему плату 15 рублей. Макъ-Гаанъ былъ внѣ себя отъ бѣшенства, видя такое нахальство киргиза; онъ разбранилъ его на своемъ природномъ языкѣ и погрозилъ ему нагайкой; послѣ этого киргизъ скрылся въ степи, а онъ рѣшился продолжать путь съ своими людьми, куда глаза глядятъ. Къ довершенію его негодованія, онъ тутъ встрѣчаетъ сопротивленіе въ своей собственной прислугѣ, которая безъ проводника отказалась продолжать путь. «Тутъ уже», говорилъ Макъ-Гаанъ, «мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ прибѣгнуть къ оружію». Онъ вынулъ изъ кобура револьверъ и объявилъ, что если они не будутъ продолжать съ нимъ путь, то онъ уложитъ ихъ всѣхъ на мѣстѣ; тогда одинъ изъ его джигитовъ просилъ позволенія вернуться въ аулъ для отысканія проводника и часа чрезъ полтора возвратился съ другимъ проводникомъ, котораго нанялъ за 20 рублей.

Путешествіе ихъ до Халъ-ата продолжалось трое съ половиною сутокъ по такой мѣстности, гдѣ не было и признака дороги, и потому они все время шли наугадъ.... Чтò пришлось вынести отважному янки—это и вообразить себѣ трудно!...

Наконецъ, путники достигли до Халъ-ата. Тутъ, при встрѣчѣ съ русскими, Макъ-Гаанъ надѣялся, что насталъ конецъ его мученіямъ, но не тутъ-то было.... Въ начальникъ отряда, оставленнаго на Халъ-ата послѣ выступленія главныхъ силъ къ Аму-дарѣ, онъ встрѣтилъ сильное противоѣдствіе. Полковникъ Веймарнъ продержалъ его на Халъ-ата недѣлю и, выходя на присоединеніе къ Туркестанскому отряду, отказалъ Макъ-Гаану на-отрѣзъ въ позволеніи слѣдовать за его отрядомъ; при этомъ, Веймарнъ обѣщалъ передать его рекомендацiонныя письма командующему войсками и испросить его разрѣшенія для дальнѣйшаго слѣдованія американца.

Такое рѣшеніе полковника Веймарна, говорилъ Макъ-Гаанъ, подрывало всё его планы и цѣли, и привело его въ совершенное отчаяніе. Онъ рѣшился, не подавая ни малѣйшей тѣни подозрѣнія, передать Веймарну одно изъ рекомендательныхъ писемъ, и бѣжать изъ Халъ-ата ночью, въ моментъ выступленія отряда. Пройдя Халъ-ата, незамѣтно выскользнуть изъ рядовъ, взять въ сторону, сдѣлать большой объѣздъ по степи, опередить Веймарна и по пути, проложенному Туркестанскимъ отрядомъ, слѣдовать до соединенія съ нимъ. Но, увы! такъ хорошо рассчитанный планъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе; по крайней мѣрѣ, въ первую минуту, Макъ-Гаанъ встрѣчаетъ сильное сопротивленіе. Его джигиты отказались, на-отрѣзъ, за нимъ слѣдовать, стали ему выговаривать за то, что онъ и такъ уже довольно заставлялъ ихъ собою жертвовать, что они ни за какія деньги не хотѣтъ рисковать своими головами, что теперь онъ хочетъ ихъ вести на явную гибель, потому что имъ хорошо извѣстно, что, въ настоящее время, туркмены находятся въ весьма близкомъ разстояніи отъ отряда, что они, въ особенности, слѣдятъ за движеніемъ транспортовъ съ провіантомъ, что слѣдовать за нимъ одни они не согласны, а готовы идти вмѣстѣ съ отрядомъ, не удаляясь въ сторону.

Макъ-Гаанъ, сознавая вполне, что, въ настоящее время, угрозы его будутъ неумѣстны, и что силою онъ не въ состояніи принудить ихъ слѣдовать за собою, прибѣгнулъ къ другому способу: сталъ ихъ всячески соблазнять и, вѣроятно, посредствомъ какого нибудь американскаго способа добился-таки своего, уговорилъ ихъ бѣжать вмѣстѣ съ нимъ тайкомъ, за вознагражденіе ста рублями каждаго и то не иначе, какъ звонкою монетою и чуть ли не золотомъ.

Прислуга его, для большей, однако, безопасности, въ свою очередь, предложила ему взять на это время еще третьяго человѣка, киргиза, болѣе знакомаго съ мѣстностью. Словомъ, сдѣлка эта обошлась ему въ триста рублей.

Итакъ, пользуясь суматохой ночнаго выступленія отряда съ Халъ-ата, 13-го мая, они, самъ-четверть, ухитрились незамѣтно втереться въ ряды казаковъ, и версты двѣ отойдя отъ Халъ-ата, свернули въ въ сторону. Сдѣлавъ порядочный объѣздъ къ сѣверу, они должны были взять опять на западъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы попасть на колодцы Адамъ-крылганъ ранѣе отряда полковника Веймарна. Лошадѣ ихъ были утомлены этимъ переходомъ до невозможности, еще болѣе потому, что, во время пребыванія на Халъ-ата, они почти не были кормлены по той простой причинѣ, что въ то время сами войска получали менѣе половинной дачи, такъ что казаки не могли удѣлить имъ

ни зерна изъ своего фуража. Каково же было удивленіе Магъ-Гаана, когда, подходи къ колодцамъ Адамъ-крылгана, онъ увидѣлъ, что отрядъ Веймарна уже тамъ....

Можно себѣ представить все смущеніе, которое ощутилъ Магъ-Гаанъ! И, дѣйствительно, положеніе его было критическое.... Идти далѣе впередъ, опять въ объѣздъ, Магъ-Гаану было невозможно, потому что, послѣ сорокаверстнаго перехода, лошади едва передвигали ноги; оставаться на неопредѣленное время на Адамъ-крылганѣ и ожидать ухода войскъ, опять безъ корма и воды, было тоже невозможно. Явиться къ Веймарну, значило бы подвергнуть себя строгости закона военнаго времени и, навѣрное, быть съ конвоемъ отправленнымъ въ Ташкентъ, и тѣмъ закончить свое предпріятіе, не достигнувъ ни цѣли, ни результатовъ послѣ столькихъ страданій и издержекъ.

Въ такомъ состояніи Магъ-Гаанъ, вмѣстѣ со своими спутниками, лежали, растянувшись, на жгучемъ пескѣ, бросивъ поводья своихъ полуиздыхающихъ лошадей.

Въ это время американецъ вспомнилъ о колодцахъ Алты-кудукъ, лежащихъ вблизи Адамъ-крылгана; свѣдѣнія эти были ему сообщены офицерами еще на Халь-ата. Хотя Алты-кудукъ лежалъ въ сторонѣ отъ пути, ведущаго къ Аму-дарѣ, тѣмъ не менѣе, чтобы сколько нибудь возстановить свои силы, Магъ-Гаанъ рѣшился немедленно выступить къ Алты-кудуку, ведя въ поводу своихъ измученныхъ лошадей. Достигнувъ этихъ колодцевъ, путники пали въ совершенномъ изнеможеніи предъ отрядомъ полковника Новомлинскаго, оставленнаго на Алты-кудукъ главнымъ отрядомъ, съ двумя ротами командуемаго имъ 3-го стрѣлковаго баталіона и съ коннымъ дивизиономъ батареи подполковника Перелыгина.

Полковникъ Новомлинскій и офицеры отряда, не имѣвшие никакихъ на этотъ счетъ инструкцій, приняли Магъ-Гаана весьма радушно. Появленіе иностранца, и въ особенности американца, въ необозримыхъ пескахъ, было дѣйствительно дивомъ. Они обласкали Магъ-Гаана, накормили его, угощали всѣмъ, чѣмъ только сами были богаты; блаженство американца увѣнчалось разговоромъ на англійскомъ языкѣ съ барономъ Корфомъ, офицеромъ 3-го стрѣлковаго баталіона.

Магъ-Гаанъ передавалъ мнѣ впослѣдствіи, что, не смотря на полное ощущеніе счастья, испытанное имъ на Алты-кудукѣ, мысль о цѣли предпріятія ни на минуту его не покидала.

Не внимая никакимъ представленіямъ, которыя были дѣлаемы ему офицерами относительно явной опасности продолжать путь, потому что имъ лучше всѣхъ было извѣстно, что туркмены большими

скопищами слѣдятъ за отрядомъ, и что въ степи по всѣмъ направленіямъ рыскаютъ отдѣлившіяся шайки, Макъ-Гаанъ выразилъ всѣмъ свою душевную благодарность за сдѣланный ему пріемъ и участіе, и послѣ суточного отдохновенія, съ своими спутниками, отправился нагонять Туркестанскій отрядъ.

Судьба, видимо покровительствовала смѣлому американцу. 17-го мая, рано утромъ, приближаясь къ Аму-дарѣ, Макъ-Гаанъ услышалъ гулъ орудійныхъ выстрѣловъ. Эта минута, когда достиженіе цѣли его стремленій было такъ близко, вознаградила его за всѣ страданія....

Услышанные выстрѣлы раздавались съ позиціи коннаго дивизіона батареи подполковника Перелыгина, который въ отвѣтъ на выстрѣлы изъ шейхъ-арыкскихъ укрѣпленій, поражалъ туркменовъ, преграждавшихъ намъ переправу чрезъ Аму и заставилъ, наконецъ, замолчать ихъ батарею. Взобравшись на одну изъ возвышенностей, Макъ-Гаанъ, съ помощью имѣвшейся при немъ зрительной трубы, усмотрѣлъ не въ дальнемъ отъ него разстояніи толпу конныхъ всадниковъ. Когда же онъ передалъ свою трубу проводнику, то тотъ поразилъ его вѣстью, что, сколько можно судить по одеждѣ, показавшіеся всадники — туркмены! Макъ-Гаанъ, хотя и надѣялся, что это ошибка, что это, быть можетъ, наши джигиты, но былъ видимо смущенъ, особенно, когда замѣтилъ, что изъ толпы этой конницы отдѣлились нѣсколько человекъ, которые направились прямо на нихъ.... Если бы только это были туркмены, то спасенія Макъ-Гаану и его спутникамъ не было никакого. Проводникъ и джигиты Макъ-Гаана, сознавая, что пощады не будетъ, пали на землю и стали молиться. Одинъ Макъ-Гаанъ рѣшился твердо встрѣтить опасность. Однако, черезъ нѣсколько минутъ, дѣло разъяснилось: джигиты и проводникъ вдругъ вскочили и начали бросать свои шапки вверхъ; оказалось, что отдѣлившіеся всадники были киргизы, служащіе въ главномъ отрядѣ, и высланные для наблюденія за неприятелемъ.

Съ возможною быстротой, какую можно было ожидать отъ едва двигавшихся коней, Макъ-Гаанъ и его спутники пустились по направленію орудійныхъ выстрѣловъ, и вскорѣ нагнали нашъ отрядъ. Понятно, какія чувства волновали Макъ-Гаана, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ стройные ряды русскихъ войскъ.

Заканчивая этотъ эпизодъ, я не могу умолчать о томъ мнѣніи о русской арміи, которое вынесъ американецъ изъ своихъ наблюденій. Мнѣніе это передано мнѣ было во время мѣсячнаго моего путешествія съ американцемъ изъ Казалинска въ Петербургъ.

— «У меня нѣтъ словъ», говорилъ мнѣ Макъ-Гаанъ, «которыми

я могъ бы довольно отблагодарить русскихъ. Послѣ тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали мое появленіе въ ихъ средѣ, я никогда не рассчитывалъ на такое вниманіе и радушіе, которыя мнѣ были оказаны. Во всѣхъ кружкахъ я, какъ американецъ, встрѣчалъ любезность и гостепріимство. При воспоминаніи о непріятномъ моемъ положеніи на Халъ-ата, я нисколько не могъ сѣтовать на полковника Веймарна, который, задержавъ меня, исполнилъ свой долгъ. Минуты, проведенныя среди русскихъ, навсегда останутся самыми лучшими воспоминаніями моей жизни. Ваша армія, послѣ безпримѣрныхъ трудовъ, перенесенныхъ въ такомъ походѣ, поразила меня своей стройностію и порядкомъ, — это лучшая армія въ свѣтѣ (*la plus belle armée du monde*)» (*).

По окончаніи дѣлъ съ іомудами, мы возвратились въ Хиву и расподожились въ прежнемъ лагерѣ. Вскорѣ стало извѣстно, что войска по возведеніи укрѣпленія (Петро-Александровскаго) возвращаются во-свояси по разнымъ дорогамъ: по степи и черезъ Аральское море на Казалинскъ.

Часть офицеровъ главной квартиры, возвращавшихся въ Ташкентъ, и тѣ, которые получили отпуска въ Россію, отправлялись до Казалинска чрезъ Аральское море, вмѣстѣ съ нижними чинами, предназначенными для увольненія въ безсрочный отпускъ, съ частію больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ и съ частію лазарета. Число нижнихъ чиновъ, препровождаемыхъ на каюкахъ и пароходахъ до Казалинска, сколько я могу припомнить, доходило до 400 человѣкъ. Назначенный отрядъ долженъ былъ двинуться на каюкахъ по Амударьѣ до ея впаденія въ Аральское море, а оттуда, на двухъ пароходахъ и четырехъ баржахъ, въ Сыръ-дарью, до Казалинска.

Мы оставили Хиву 12-го августа, въ пять часовъ пополудни. День былъ совершенно ясный, солнце сильно припекало. Съ самаго утра по всему лагерю началась возня и суматоха невыразимая, стали подѣзжать арбы, пошла хлопотня и укладываніе. Садъ наполнился хивинцами, желавшими поживиться остатками нашихъ построекъ, которыя были тутъ же разорены и растащены.

При выѣздѣ изъ Хивы, командующій войсками былъ встрѣченъ самимъ ханомъ и массою народа, разсѣяннаго по огромному пространству. Ханъ разсыпался въ пожеланіяхъ и привѣтствіяхъ предъ командующимъ войсками, да и вся масса народа, стоявшая съ открытыми

(*) Макъ-Гаанъ, начиная съ артилерійскаго дѣла при Шейхъ-арыкѣ, все время находился при главной квартирѣ и участвовалъ въ дѣлахъ съ іомудами въ отрядѣ генерала Головачева.

годами, казалось, весьма дружелюбно къ намъ относилась. Генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, въ свою очередь, сказалъ хану нѣсколько пріятливыхъ словъ, и потомъ обратился къ ближайшей массѣ народа, которая насъ окружила, и требовалъ, чтобы народъ берегъ своего хана и во всемъ его слушалъ; затѣмъ, генераль фонъ-Кауфманъ тронулъ свою лошадь шагомъ и мы всѣ послѣдовали за нимъ. Ханъ провожалъ насъ нѣсколько верстъ, до того мѣста, гдѣ командующій войсками остановился, опередивши войска, и сталъ пропускать каждую часть мимо себя.

Первый нашъ переходъ былъ не великъ; мы ночевали на бивакахъ, и рано утромъ выступили и прибыли къ берегу Аму-дарьи, не доходя верстъ двухъ до берега, что составляетъ отъ Хивы разстояніе верстъ въ тридцать съ небольшимъ.

Тутъ былъ разбитъ для отряда большой лагерь, явились маркитанты, прибрели хивинцы съ разными разностями. Здѣсь мы оставались въ продолженіе пяти или шести дней, пока дѣлались распоряженія относительно переправы войскъ, долженствующихъ строить укрѣпленіе на правомъ берегу и тѣхъ, которыя должны были слѣдовать къ Ташкенту. Въ это же время собирались каюки и другія перевозчныя средства.

По окончаніи переправы послѣдней части войскъ, предназначенныхъ на правый берегъ, къ нашему лѣвому берегу подтянули тридцать семь каюковъ; ихъ исправили, проконопачили и, кромѣ того, на каждомъ каюкѣ изъ плетеноекъ сдѣлали навѣсъ. Каюки эти были большею частію о четырехъ веслахъ; только нѣкоторые изъ нихъ были о шести. Гребцами были назначены наши же нижніе чины, идущіе въ безсрочные отпуски, при чемъ, на всю флотилію, нашлось три или четыре матроса за рулевыхъ.

Наконецъ, 20-го августа, наша флотилія была окончательно сформирована, всѣ каюки были готовы и поѣздъ долженъ былъ отправиться подъ начальствомъ генераль-маіора Бардовскаго. Офицеры раздѣлились на партіи, для размѣщенія на каюкахъ; съ нами отправлялся тоже и американецъ Макъ-Гаанъ. Въ тотъ же день мы перешли на каюки, перенесли наши вещи и запасы, и ночевали на каюкахъ. На другой день, 21-го августа, рано утромъ, только что стало выглядывать солнышко, съ каюка генераль-маіора Бардовскаго былъ поданъ сигналъ свисткомъ, и всѣ каюки тронулись, одинъ за другимъ, вереницей, за каюкомъ генерала.

Общее удовольствіе, общее стремленіе спѣшить на родину были замѣтны на всѣхъ лицахъ... Люди гребли дружно, съ особенной охотою и съ ловкостію настоящихъ матросовъ, къ тому же, самое теченіе

ніе рѣки способствовало быстрому плаванію, такъ что первое время намъ всёмъ казалось, что каюки наши летѣли...

Плаваніе наше продолжалось по Аму-дарѣ, по извилинамъ ея рукавовъ, между огромныхъ камышей, шесть дней; въслѣдствіи убѣдились, что до нашихъ пароходовъ, пожалуй, болѣе трехъ сотъ верстъ; каждую ночь мы стояли, приставая къ берегамъ или, лучше сказать, къ камышамъ, и ночевали на каюкахъ, потому что камыши находились въ водѣ.

Первые два дня держался удивительный порядокъ въ плаваніи нашихъ судовъ, каюки слѣдовали одинъ за другимъ стройно и въ порядкѣ; всѣ чувствовали себя довольными, любовались новизною края; всѣхъ занимала измѣняющаяся панорама мѣстности, представлявшей часто чрезвычайно живописною. Но уже на третій день монотонность водянаго пути дала себя знать, а жаркіе дни и томительныя ночи, въ теченіе которыхъ приходилось выдерживать яростныя нападенія мошекъ и комаровъ, довершали неудобство плаванія. Чѣмъ ближе мы подходили къ устью Аму-дарьи, тѣмъ остановки дѣлались чаще; рѣка стала бушевать, поднялись волны, теченіе сдѣлалось быстрѣе, поднялся вѣтеръ, каюки, при всѣхъ предосторожностяхъ, попадали на мели, стали налетать, съ размаха, въ камыши, откуда ихъ было весьма трудно вытаскивать. Вообще, наша флотилія немного сбилась съ такта...

28-го августа, вечеромъ, мы, наконецъ, благополучно достигли своихъ пароходовъ.

Приставая къ землѣ, мы были встрѣчены моряками, которые помогли намъ причаливать и укрѣплять каюки къ берегу. Для дальнѣйшаго путешествія насъ ожидали два парохода аральской флотиліи, «Самаркандъ» и «Перовскій», и четыре большихъ баржи для помѣщенія нижнихъ чиновъ. Кагѣ оба парохода, такъ и всѣ баржи, имѣли нарѣзные орудія.

Генералъ Бардовскій, по соглашенію съ начальникомъ аральской флотиліи, капитаномъ 1-го ранга Ситниковымъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, въ тотъ же вечеръ, размѣстить войска по пароходамъ и баржамъ съ тѣмъ, чтобы на другой день, утромъ, безпрепятственно сняться съ якорей, успѣть перейти баръ и войти въ Аральское море.

Я, въ числѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, и американецъ Макъ-Гаанъ, попали на пароходъ «Самаркандъ». Тутъ мы познакомились съ начальникомъ аральской флотиліи, капитаномъ Ситниковымъ, съ капитаномъ парохода и прочими офицерами, встрѣтившими насъ съ полнымъ гостепріимствомъ и любезностію. На пароходѣ мы были вполне обеспечены относительно продовольствія: чай, завтракъ и обѣдъ подавались очень хорошіе и за весьма умѣренную цѣну.

Часовъ въ десять утра, 29-го августа, оба парохода, съ баржами на буксирѣ, отчалили отъ берега. «Самаркандъ», на которомъ находился начальникъ флотиліи, шелъ передовымъ. При этомъ, нельзя было не любоваться тѣмъ военнымъ порядкомъ, который существуетъ на нашихъ судахъ: тишина, спокойствіе, пунктуальность исполненія матросами ихъ обязанностей бросаются въ глаза съ перваго шага на военное судно. Въ особенности, это было замѣтно, когда мы переходили бары и въ ту ночь, когда, по выраженію моряковъ, сдѣлалось «свѣжо».

Перейдя баръ, мы вошли въ море; погода была великолѣпная, но чрезвычайно жаркая, такъ что тотчасъ же приказано было растянуть парусинный навѣсъ, оберегавшій пассажировъ отъ солнечныхъ лучей. Въ продолженіе дня пароходы шли очень покойно, но съ девятаго часа вечера началъ дуть вѣтеръ и продолжалъ все усиливаться; вѣтеръ былъ такъ тепелъ, что мы все время оставались въ кителяхъ. Ночью вѣтеръ сдѣлался еще сильнѣе, сталъ пронзительно свистать, подымать громадные волны и сильно качать пароходъ; никто изъ насъ не могъ заснуть.

Ночь была бурная и совершенно темная; небо покрылось густыми тучами, вдали засверкала молнія, пошелъ дождь. Начальникъ флотиліи и капитанъ парохода во всю ночь оставались на верху. Съ разсвѣтомъ буря утихла, тучи разсѣлились, а съ солнечнымъ восходомъ и море успокоилось, погода сдѣлалась тихая, пароходъ опять пошелъ плавно, почти безъ качки.

Къ полудню начали виднѣться берега и возвѣщали намъ скорый переходъ втораго бара и вступленіе въ Сыръ-дарью. Дѣйствительно, часу въ четвертомъ, мы миновали благополучно баръ и вошли въ рѣку, которая течетъ до того извилисто, что изъ предосторожности необходимо было уменьшить силу паровъ и пароходъ пошелъ гораздо тише.

Наконецъ, мы подошли къ Казалинску, ступили на твердую землю, и почувствовали, что тутъ насталъ конецъ всѣмъ тревоженіямъ и безпокойствамъ; отрадное чувство сознанія исполненнаго долга охватило каждого изъ насъ.

Войска Туркестанскаго отряда, возвращаясь въ свои дома, могутъ, по истинѣ, сказать, что они честно исполнили свои обязанности. Главный начальникъ экспедиціи не одинъ разъ говорилъ эти слова и помѣщалъ ихъ въ своихъ приказахъ. Войска наши были такъ ведены въ этомъ походѣ, что побѣжденные не могутъ указать ни единого случая насилія, произведеннаго войсками противъ мирныхъ горожанъ; все, что пріобрѣталъ солдатъ, за все платилъ онъ чистыми деньгами, и нерѣдко еще отъ себя дѣлалъ подавнія бѣднякамъ-хивинцамъ, ежедневно шатавшимся по лагерю.

Полковникъ Колокольцовъ.